

После того, как Янь Уши ушел, Шэнь Цяо поспешил разблокировать свои акупунктурные точки. Он беспокоился о том, что будет с Янь Уши, если тот попадет в руки Сан Цзиньина — каким пыткам он его подвергнет? Истинная ци циркулировала по его меридианам с бешеной силой, словно собиралась вырваться наружу. Шэнь Цяо почувствовал, словно его сердце внезапно стало горячим, как огонь, но одновременно с этим стало таким холодным, будто его окунули в ледяную воду. Он был сбит с толку — головокружение было таким сильным, что он даже не мог определить течение времени. Это было так, как будто он впал в состояние, похожее на сон, но все еще очень реальное.

Отчасти это было вызвано тем, что температура его тела колебалась между горячей и холодной; с другой стороны, проблема заключалась в его затуманенности рассудка. Словно его душа стремится насильственно вырваться из тела, но она была заперта в нем, и ей приходится носиться с хаотичной силой, вызывая боль в груди, тошноту, а также онемение конечностей.

Первая половина жизни Шэнь Цяо прошла для него без особых трудностей. Гора Сюаньду была как барьер, отделявший его от опасностей внешнего мира.

Не только он, но и все остальные, кто жил на горе Сюаньду, включая даже амбициозного Юй Ая, были изолированы от остального мира и взирали на него с некоторой наивностью — считали, что повсюду, как и в Сюаньду, царит справедливость. Однако, поскольку горные пики защищали их от ветра и дождя, они толком и не знали, на что похож мир за пределами Сюаньду.

Однако после этого жизнь Шэнь Цяо как будто разделилась на две половины, а в центре этого раскола стояла битва у Пика Полушага. Первая половина была наполнена комфортом и легкостью; вторая — с непрерывными подъемами и падениями, словно океанские волны.

Он пережил ряд обстоятельств, при которых смерть была бы гораздо более предпочтительным выбором, чем жизнь. Он видел и доброту, и жестокость человечества — но, в конце концов, в его сердце не было ни капли ненависти. События прошлого замелькали у него перед глазами: смерть настоятеля и Чуй И; Ши У, вступивший к нему в ученики; сражение в секте Бишан; и, наконец, Янь Уши, исчезающий без следа, как дым облаков.

Эта мысль упала ему на сердце, как холодная капля воды, рассеявшаяся, как только соприкоснулась с теплом.

В этот момент его разум, казалось, полностью отделился от его физического тела, от статуи Будды, которая приютила его, и от маленького храма, где он находился — его разум словно погрузился в другой мир, бескрайний и безмолвный. Все виды боли постепенно исчезли из его тела, и внезапно перед глазами появился свет, подобный тому, что исходит от солнца и луны, освещающих горы и океан, словно рыбы прыгают по волнам, и капельки воды падают как маленькие звезды.

Заблокированные акупунктурные точки медленно открывались. Истинная ци, которая текла по его телу, подобно теплоте потоку, возвращала силу его онемевшему телу.

Шэнь Цяо почувствовал себя так, словно превратился в маленькую рыбку, которая, взмахнув хвостом, смогла прыгнуть в безграничную вселенную, усыпанную звездами. Ровный, ритмичный звук пронесся мимо него — звук капель воды, отягощающих листья, которые несли их, прежде чем нетерпеливо соскользнуть с них и упасть на поверхность глубокого пруда, нарушив окружающее спокойствие.

Когда он поднял голову, чтобы посмотреть на окружающий мир, по прозрачным водам пробежала рябь. Глубокое ощущение, которое нельзя было описать, а только испытать, охватило его.

Капли воды, падающие в пруд, ощущались так, словно падали ему на сердце.

Весь мир изменился вместе с ним.

Суровая зима в одно мгновение превратилась в цветущую весну. Текущие воды вокруг него стали теплыми. Бесчисленные рыбы кружили вокруг него. Кивнув головами и покачав хвостами, они живо поплыли дальше вперед. Звезды и луна, рассеянные по воде, несли свой великолепный блеск и ослепительный свет вокруг себя, напоминая часть галактики.

Шэнь Цяо закрыл глаза и почувствовал себя так, словно закончил свою жизнь рыбой, и она перевоплотилась в этот глубокий пруд. День за днем он ждал, когда дождь наполнит его, ждал, пока цветы у пруда расцветут и поговорят друг с другом о своих проблемах, и ждал, когда цветущие деревья сбросят свое цветение в его воду. С поворотом одной руки приходят весенние облака; с поворотом другой приходят осенние дожди. Резонирует чистый звук капель; цветущие персиковые деревья наполняются цветами.

Он вдруг вспомнил фразу из Стратегии Багрового Яна:

Нет ничего, кроме самого себя.

Шэнь Цяо помнил, что впервые он увидел эту фразу в томе Стратегии Багрового Яна, подаренном ему его учителем. Хотя он использовал истинную ци Стратегии Багрового Яна, чтобы восстановить свои основы после борьбы с неминуемой смертью, это не означало, что он полностью понимал каждое предложение в этой удивительной книге.

В то время, прежде чем он наткнулся на это предложение, он прочитал другое: «Я», которое входит в разум другого, может делать все, что ему заблагорассудится.

Теперь он кое-что понял. Проще говоря, когда кто-то изучает искусство владения мечом, он должен понимать сердце меча, или волю меча. Тот, кто хочет познать волю меча, должен понять суть меча. Чтобы пройти через сотни сражений и не потерпеть поражение, нужно знать не только себя, но и своего врага.

Но тогда получается, что «другое» и «я» становятся одним целым. Но почему тогда они разделяются, и в фразе говорится: «Нет ничего, кроме себя»?

Шэнь Цяо сначала подумал — либо это ошибка, либо сам Тао Хунцзин не задумывался об этом слишком сильно.

Однако в этот момент он внезапно понял значение этого предложения и почувствовал, что все это время ходил по кругу, загоняя себя в ловушку.

Человечество существовало в пограничном пространстве между небом и землей. Сначала должно быть «я», прежде чем может появиться «другое». Каждый относится к людям по-своему, и к вещам, окружающим все вокруг — по-своему. Если кто-то несчастен, нет счастья ни на небесах, ни на земле; если нет печали, то нет печали ни на небесах, ни на земле. Когда сердце счастливо, слова обретают жизнь, когда разум пребывает в скорби — горы и реки меркнут.

После осознания этого не только границы разума расширились, но даже тело словно стало бесконечным, способным вместить в себя неограниченное количество истинной ци. Океан вмещает сотню рек, и терпимость его безгранична. Меридианы расширяются истинной ци, и истинная ци находится в состоянии покоя. Больше нет риска застоя и препятствий.

Шаньхэ Тунбэй дрожал от волнения, как будто почувствовав душевное состояние и прогресс мастера, меч был готов в любую секунду обрушиться на противника.

В этот момент четыре человека вошли в маленький храм.

— Общайте все вокруг, - холодно сказал Янь Шоу.

Поскольку Сяо Сэ был ранен, его шаги были несколько вялыми; Бай Жун, хоть и была невредима, следовала за Сяо Сэ сзади, казалось, что ее совсем не интересует причина, по которой они сюда пришли.

Они обошли весь храм, прежде чем Сяо Сэ ответил:

— Старейшина Янь, нет никаких следов того, что Шэнь Цяо был здесь. Может быть, он увидел, сколько нас было, и убежал первым, оставив Янь Уши позади?

— Невозможно. Он был истощен, после битвы с нами. Трудно восстановиться за такой короткий промежуток времени. Даже если бы он хотел убежать, далеко бы не ушел. Так как его не было с Янь Уши, должно быть, он нашел место, чтобы спрятаться. Этот храм подходит. Вы все обыскали?

— Да, - сказал Сяо Сэ, - этот храм очень маленький. В задней части есть крыло, в котором

находится колодец с водой, но там невозможно спрятаться. А учитывая размеры этого места, вероятность того, что там есть какая-то секретная комната, еще меньше.

Он бросил взгляд на Бай Жун.

— С другой стороны, похоже, что сестрица Бай испытывает чувства к Шэнь Цяо и, вероятно, пытается помешать нашим попыткам найти его. Интересно, какие у нее должны быть намерения?

Бай Жун сладко рассмеялась:

— Братец Сяо, тебе действительно нравится целый день рассказывать обо мне всякую ерунду. Может быть, ты думаешь, что учитель будет относиться к тебе более благосклонно, если ты меня убьешь? Не забывай, что ты принадлежишь в первую очередь главе секты Юань. Если ты хочешь изменить свой статус, то прояви немного терпимости. Какой смысл нападать на такую маленькую девочку, как я?

Баюнь, стоявший рядом с Янь Шоу, внезапно сказал:

— Мы еще не нашли того, кого искали, а вы уже спорите. Это так глава секты Юань и старейшина Сан учат своих учеников?

Тон его голоса был суровым и жутким, резко контрастируя с его торжественным, исполненным достоинства видом монаха.

Но эффект был очевиден, Бай Жун и Сяо Сэ немедленно закрыли рты и замолчали.

Янь Шоу еще раз огляделся. Наконец его взгляд упал на большую статую Будды. После небольшой паузы он шагнул к ней.

Его действия привлекли внимание остальных. Даже Баюнь сказал:

— Ах, эта статуя Будды довольно большая. Если она полая внутри, то там можно спрятаться.

Янь Шоу оглядел статую сверху донизу, начиная с макушки головы и заканчивая каменной платформой, на которой она сидела, прежде чем внезапно протянул руку и сдернул тканевую занавеску на каменной платформе. Он коснулся следов под тканевой занавеской, усмехнулся и резко хлопнул ладонью по статуе Будды!

Ровно в том месте, куда ударил ветер ладони, трещины быстро распространились по статуе, и с грохотом Будда треснул во всех направлениях!

Там действительно кто-то был!

Все присутствующие уставились на фигуру, которая была скрыта внутри статуи. Янь Шоу улыбнулся и наклонился вперед, охотясь, как орел, и первым бросился на противника!

Еще до того, как он добрался туда, ветер от удара ладони уже устремился вперед, так же внезапно, как безумие грома и сильного дождя, небеса наполнились кровавыми тенями — холодными, как зима, врезающаяся в кости — наполненными жутким страхом, спускающимся вниз в потоках. Этого было достаточно, чтобы заставить любого почувствовать, что его с головы до ног накрывает кровавая тень ладони, от которой невозможно скрыться, оставалось только дрожать от страха, в то время как чувство безнадежности окутывает сердце.

Шэнь Цяо уже исчерпал свои силы, когда сражался с ними четыремя, даже если его сила немного восстановилась, этого недостаточно, чтобы не быть застигнутым врасплох подавляющей ладонью Янь Шоу.

Во время предыдущего боя Янь Шоу был поражен мастерством Шэнь Цяо, но помимо этого он тщательно следил за ним и заметил, что его внутренней силы просто недостаточно, чтобы поддерживать царство сердца меча. Если быть точнее, противник слишком быстро входит в состояние сердца меча, но основа внутренней силы не может идти в ногу с этим. Этот недостаток невозможно было устранить за тот промежуток времени, в который Шэнь Цяо прятался.

Поэтому он полагал, что, даже если ему не удастся сильно ударить противника, по крайней мере, этим ударом он сможет пригвоздить Шэнь Цяо к месту и лишить его возможности действовать.

Как только он подумал об этом, его ладонь скользнула к своей цели. Расстояние между Янь Шоу и Шэнь Цяо быстро сократилось — но противник успел вовремя среагировать!

Перед глазами Янь Шоу возникло море белого света, наполненное холодным, зловещим намерением убить. Свет подавил ветер ладони Янь Шоу, Энергия Меча поглотила кровавые тени, самого Янь Шоу отбросило в сторону!

— Старейшина Янь, будьте осторожны! — крикнул Сяо Сэ.

Янь Шоу не нуждался в том, чтобы Сяо Сэ напоминал ему об этом; он сразу же отступил.

Остальные не собирались стоять в стороне. Баюнь вскочил и схватил Шэнь Цяо с другой стороны.

Шэнь Цяо вытащил свой меч, Энергия Меча постепенно окутала лезвие, словно радуга. Вспышка бирюзовой ткани элегантно проплыла мимо, почти стремясь превратиться в

голубовато-зеленый луч света, и только еще больше усилилась светом лезвия — вид этого был неотличимо ослепительным.

Выражение лица Янь Шоу неоднократно менялось. Он сделал всего несколько десятков шагов, прежде чем достиг задней стены храма, не найдя другого пути к бегству.

Наконец Янь Шоу увидел, что Шэнь Цяо идет прямо за ним, а Баюнь оставался позади. Он использовал только Энергию Меча, создав барьер, который полностью блокировал атаки других, так он мог полностью сосредоточиться на атаке Янь Шоу.

Но этот человек явно исчерпал все свои силы раньше — как он мог восстановиться за такой короткий промежуток времени?!

У Янь Шоу не было времени думать. Он взмыл вверх, пробив потолок, в то время как Шэнь Цяо следовал за ним вплотную сзади.

Они прорвались сквозь крышу храма. Их силуэты парили, как демоны, ветер ладони и свет от меча, ревели как ветер и сверкали как молнии. Их движения остановились, напоминая глухую зиму, когда трава и деревья увядают, а все живое остается безмолвным и одиноким. Каждый раз, когда Янь Шоу наносил удар своей окровавленной ладонью, с ней тянулись вонючий ветер и кровавые дожди — леденящий ужас и мрачный воздух, непреодолимое желание убивать. Свет меча внезапно поднялся, приняв темный, золотистый цвет вечерних облаков — цветы, распускающиеся у скал ручья, изливание какого-то великолепного света, совершенно несравненного.

Даже луна, казалось, слегка обесцветилась, и со стыдом спряталась в облаках, чтобы ее больше никогда не видели.

Между небом и землей остался только свет меча. Как скорбят все горы и реки, так плачут металлы и камни!

Видя, что ничем не может помочь, Сяо Сэ решил не вмешиваться, а только стоял в стороне, наблюдая, как они дерутся. Краем глаза он заметил, что Бай Жун также осталась на месте, он не удержался, и холодно произнес:

— Сестренка Бай, совершенно очевидно, что ты испытываешь симпатию к Шэнь Цяо. Поэтому не можешь вмешаться?

Бай Жун ответила с улыбкой:

— Даже старейшина Янь и старейшина Баюнь не могут справиться с ним. Если бы я попыталась вмешаться, то только создала бы еще больше проблем. Старший брат Сяо, если ты способен на это, то твоя младшая сестра была бы счастлива уступить тебе в этом!

Это были не совсем пустые слова. Шэнь Цяо сражался один против двоих, и до сих пор он, казалось, не исчерпал себя. Не только Баюнь не мог справиться с ним — даже Янь Шоу явно проявлял признаки того, что близок к поражению.

Как мог один человек вдруг стать таким сильным?!

Сяо Сэ был озадачен. Он даже задумался, не использовал ли Янь Уши методы двойного культивирования секты Хеэуань — но даже если бы он это сделал, результаты не были бы близки к такой степени улучшения Шэнь Цяо, особенно за этот короткий промежуток времени.

Он холодно усмехнулся и решил не продолжать спор с Бай Жун. Вместо этого он продолжал наблюдать за битвой, которая происходила на крыше.

Однако за то короткое время, что они обменялись несколькими словами, казалось, уже было ясно, кто выиграл, а кто проиграл битву.

<http://bllate.org/book/14532/1287377>